

Федор Алексеев

Обреченный вечностью

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Федор Алексеев
Обреченный вечностью

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Алексеев Ф.

Обреченный вечностью / Ф. Алексеев — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

События происходят во время Второй Мировой войны. Советский разведчик Андрей Смирнов вместе со своей группой ведет ожесточенную борьбу с немецкими захватчиками. И в этом ему помогает роковое стечение обстоятельств, его дар, его проклятие, полностью изменившее его человеческую сущность...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

*Некоторые события, описанные ниже, действительно происходили.
Некоторые персонажи – действительно существовали.
Автор оставляет за собой право объединять выдуманное и реальное,
предоставляя читателю самому разбираться, где правда, а где – вымысел.
С уважением, автор.*

Часть 1

Его снова убили. В который раз. Он сбился уже со счета, да и это было неважно. Группа уже была далеко. А он лежал на дне воронки, судорожно прислушиваясь к приближающейся чужой речи.

— Hans, hast du gesehen, wo er fiel?¹

— Schauen sie auf der rechten seite, Friedrich.²

Он знал немецкий практически в совершенстве. Как и любой другой язык, он понимал его без перевода. С этим проблем не было. Больше его волновали четыре свежие дырки на недавно полученном маскхалате. Комбат самолично ездил в штаб и выбивал абсолютно новенькие, еще пахнувшие нафталином, разрисованные под осень маскхалаты. Осень была хороша. Лето очень неохотно уступало свое время. Листья кое-где уже опали и рассказывали под ногами свои шуршащие истории. Днем солнце выходило ненадолго из-за все чаще и чаще появляющихся туч, но, как и летом, светило щедро и ярко. Он лежал на уже остывшей земле и смотрел в полное звезд небо. И думал, что теперь скажет Вареньке, которая в очередной раз выдавала ему новую форму с таким видом, будто отдает последнее, что у нее есть. Кожа затянулась сразу, как только он вытащил пули, а вот дырки в одежде так не умели.

— Hans...

Нож вошел в горло по самую рукоятку. Немец не успел больше ничего сказать и, хрипя, повалился на землю. Скатился в воронку, да так и затих, не издав больше ни звука. Лейтенант Андрей Ветров аккуратно вынул нож, развернув немца к себе спиной. Фонтан был небольшим, но зачем пачкаться в чужой крови, тем более, если на тебе нет ни одной раны, а комбез и так немного окровавлен? Ноздри Андрея раздулись, он уловил запах спиртного в крови этого Фридриха.

— Алкоголь укорачивает жизнь, – назидательно прошептал Андрей и вытер нож об одежду немчуры.

— Frederick, Frederick, wo bist du?³

Голос потерявшего своего товарища немца, зазвучал совсем рядом. Андрей приготовился. Ночь, как на зло, была лунная. Даже фонарик, которым «фриц» светил себе под ноги, был не нужен. Но слишком уж правильная и воспитанная нация эти немцы. В атаку – так при параде, отдыхать – так с музыкой и шнапсом. Андрей лег на землю и замер. Лишь нож, зажатый в руке, блестел в сиянии луны.

— Frederick, bist du?⁴ – Успел произнести второй представитель этой культурной нации, и, хватаясь за горло двумя руками, упал рядом с товарищем.

— Здесь он, здесь, – ответил он обезумевшему немцу. – Надеюсь, хоть ты не пьющий, – прошептал Андрей, вытаскивая нож из горла следующего немца. Тот еще хрипел. Он был совсем молодой, лет восемнадцать-двадцать. Андрей принюхался, повел носом, и припал ртом к шее, из которой щедро хлестала теплая алая струя...

Он догнал их быстро. Они шли тяжело. Четверо теней в масхалатах. Даже не шли, передвигались. Медленно и бесшумно, научились все-таки, чертяки. Двое тащили «языка», жирного немца с кляпом во рту и в нижнем белье, уже грязном от такой замечательной осени. А ефрейтор Джугашвили тянул на себе щупленького Афанасьева, который, кажется, был без

¹ Ганс, ты видел, где он упал? (с нем.)

² Посмотри правее, Фридрих. (с нем.)

³ Фридрих, Фридрих, ты где? (с нем.)

⁴ Фридрих, ты здесь? (с нем.)

сознания. «Слава Богу, хоть не наоборот», – подумал про себя Андрей, – «И Джугашвили, и «языка» без меня они бы не дотащили». Серой незаметной тенью он появился возле своего небольшого отряда, и, не говоря ни слова, забрал Афанасьева себе на спину.

— Атарвался, дарагой? – шепотом спросил грузин.

— Нет, убили, – так же шепотом ответил Андрей и улыбнулся.

Грузин улыбнулся в ответ и поспешил сменить кого-то из тех, кто тащил немца. Освободившимся оказался сержант Александр Онопко, 1924 г. рождения, уроженец Полтавской области, комсомолец, не женат, семья погибла во время эвакуации на поезде. Он подошел к командиру и улыбнулся.

— Ну и везучий же Вы, товарищ лейтенант. Столько раз с Вами хожу, ни одной царапины.

— Сплюнь, Онопко. – Андрей кивнул на свою ношу. – Что с ним?

— Не знаю, две пули вошло в живот, мы не трогали ничего, кровь попытались остановить и побежали. Времени-то особо не было разбираться.

— Ясно. – Андрей посмотрел на край неба. – Светать скоро будет, надо прибавить.

— Так точно, товарищ лейтенант. – Онопко козырнул и побежал вперед передавать приказ командиру...

Они сидели за большим деревянным столом и ждали ужин. Ефрейтор Джугашвили, сержант Онопко и младший лейтенант Смирнов. Афанасьева еще ранним утром увезли в госпиталь. Врач, который за ним приехал, осмотрел раны, поцокал языком, покачал головой, и ничего не сказав, уехал с Афанасьевым в госпиталь. Командира они не видели целый день. Но к этому уже привыкли. Они все обычно днем отсыпались, и собирались лишь к вечеру. Даже тренировки и обсуждения новых заданий проходили после заката. Это было правилом. Сержант Онопко поначалу не понимал, почему так, пытался что-то спросить у Смирнова, но получив пару раз исчерпывающий ответ, типа: «Не твое дело, подрастешь – узнаешь!», больше не лез с глупыми вопросами.

— Товарищ, младший лейтенант, Вы же не первый месяц с нашим командиром ходите за линию фронта. О нем уже легенды ходят по всему 2-му Белорусскому, я так рад, что меня к вам назначили...

— Что ты хочешь, Онопко? – Смирнов посмотрел в свою пустую кружку и потянулся за бутылкой с мутной жидкостью. Джугашвили, не говоря ни слова, пододвинул свою кружку.

Смирнов налил по половинке и также молча протянул ефрейтору соленый огурец. Тот взял и то, и другое.

— За Пашу. Чтобы вычухался быстрее. – Смирнов стукнул своей кружкой о кружку Джугашвили, и оба практически одновременно выпили самогон, крякнули и хрустнули соленым огурчиком.

Наученный опытом, Онопко все это время терпеливо рассматривал свою пустую кружку. И лишь когда во рту у Смирнова пропала вторая щепотка квашеной капусты, он продолжил.

— Ну, так вот, я вот шо думаю. Почему одним так везет, а другим нет. Говорят, у нашего командира восемьдесят два выхода за линию фронта.

— Сто двадцать два, – поправил Смирнов и подошел к двери. Открыл ее и гаркнул:

— Петруха, ну что там картошка? Скоро? Поприлипало все внутри, ептить!

Вернулся, сел за стол и вопросительно уставился на сержанта:

— Ну? И что ты хочешь от меня?

— Дык вы ж с ним уже скока вместе. Может он слова какие знает, может заговоренный он? – Онопко снизил голос до шепота. – У нас в деревне бабка жила, так она такое...

— Хватит пить тебе, Саня. – Смирнов по-отцовски приобнял Онопко. – Хороший ты парень, я тебе скажу, вот только ерунду всякую несешь. Да просто лучше нашего командира не сыщешь ни на одном фронте. Понял, нет?

— Да я шо, я ничо, – потупился как-то Онопко. – Просто как-то удивительно это.

— Ничэво удивительнава, дарагой, – наконец-то заговорил Джугавшили. – У нас в дэрэвне такой чэловэк бил, точно тэбэ гаварю. Сколко в лэс ходыл, ны одын волк, ны одын мэдвэд ево нэ трогал. Под счастливой звездой родылся наш камандыр. Радуйся. Что живой ты, что он живой, что все жывы. Давай выпьем за камандыра, генацвали.

— За командира и я буду, – храбро сказал Онопко и подставил свою кружку. Смирнов посмотрел на Джугавшили, тот улыбнулся и молча кивнул. Налить успели, выпить – нет.

Дверь распахнулась, и в нее протиснулся Петруха, повар их части.

— Слушай, ну тебя тока за смертью посылать, а не есть готовить, – беззлобно сказал Смирнов и добавил. – Хорошо, что ты не «язык», а то фиг бы дотащили.

Джугавшили засмеялся, Онопко скромно заулыбался. В Петрухе действительно было если не полтора центнера, то близко к этому. Но, как все полные люди, он был добряком и на шутки не обижался.

— Вот, картошечка с тушёночной, горяченькая. – Он поставил на стол чугунок, который источал потрясающий запах. Все тут же забыли предмет беседы и с вождением стали протягивать миски.

— Давайте насыплю, парни. – Петруха протянул руку. – Вы – герои. Сам слышал, как вашего командира и вас хвалил по телефону сам командующий фронтом. Я когда нашему комбату обед носил, так все и услышал. Немца вы какого-то ценного достали, знает до хрена и больше. Так что готовьте дырочки. – Он улыбался и щедро насыпал горячую картошку, щедро разбавленную кусками мяса.

Смирнов поднял свою кружку:

— Давайте выпьем за ...

— Приятного аппетита. – Командир появился как обычно. Беззвучно и внезапно. Просто возник ниоткуда. Петруха даже вздрогнул. Он не был в группе и не привык еще к этому.

— Здравия желаю, товарищ...

— Отставить, – Андрей сел рядом на лавку, и жестом остановил встающих подчиненных. – Как отдыхается?

Петруха с каким-то суеверным ужасом на лице попятился к двери и исчез практически так же быстро, как появился лейтенант. Только намного громче. Андрей, не оборачиваясь, сказал ему вдогонку:

— Чая поставь парням, а то весь самогон попьют.

Посмотрел на Смирнова и, увидев в его глазах вопрос, кивнул головой.

— Пейте, пейте. Сегодня можно.

Подождал, пока бойцы выпьют, закусят. На взгляд Джугавшили, лишь кивнул головой, мол, ешьте, все успеется. Так же жестом отказался от предложения поужинать с ними. Потом сказал:

— Звонил за Пашку. Вроде ничего. Жить будет. Только на фронт больше не пустят. Жалко, хороший парень, хороший боец.

Сказал, как отрезал. Но с грустью. С какой-то отцовской горестью. «А ведь совсем молодой», – подумал Смирнов, глядя на командира. – «Сколько ему? Двадцать два? Двадцать пять?» За все это время они так и не поговорили по душам. Может виной было отвращение командира к спиртному (говорил, мол, папа алкоголик был, насмотрелся), может просто не было времени вот так вот посидеть за столом, поужинать вместе. После каждого задания командир уходил и виделись они только вечером, а то и ночью, когда сил разговаривать уже не было. Но Смирнов не переживал по этому поводу. Во-первых, было такое ощущение, что везение их командира как-то отражается и на нем, вон уже, сколько рейдов в тыл врага – и ни одного ранения. А, во-вторых, так быстро ордена, медали и звездочки еще не появлялись на груди и плечах Смирнова. Поэтому, чего греха таить, ему жилось хорошо. А когда получил назна-

чение к «Зверю» (так з глаза называли легендарного разведчика 2-го Белорусского), сначала испугался, немного, конечно. Но потом понял, что такого командира еще надо поискать. Вот и сейчас, сидит «Зверь», смотрит на них с отцовской любовью и ждет, когда выпьют да покушают. Смирнов вытер рот и вопросительно посмотрел на командира.

— Все нормально, Леша, все хорошо. Мы молодцы. Генерал звонил, благодарил, лично. Награды обещал. И может отпуск, но сомневаюсь.

— Да если бы не ты, Андрей, лежали бы мы сейчас в тех воронках, – на «ты» к командиру обращался только Смирнов, остальные пока не имели, видать, такого права, точнее не заслужили пока.

— Все нормально, Лешка, все выжили, и хорошо. Бережет, значит, Господь. – С этими словами Ветров улыбнулся и обвел всех взглядом. Смирнов посмотрел на Оношко и улыбнулся, «заговоренный», значит...».

— Вот тут некоторые несознательные бойцы думают, что тебя бабка заговорила. – Смирнов улыбнулся, и кивнул в сторону Оношко. Тот стусевался и опустил глаза.

— Бабка, говоришь, – Ветров тоже улыбнулся, но как-то совсем по-другому. У Оношко мурашки поползли по телу от этой улыбки, несмотря на весь самогон, выпитый им сегодня. – Нет, Сашка, не бабка. Да и хватит тебе, пожалуй, сегодня пить. А то всякая чушь в голову лезет. Вы тоже не увлекайтесь, – он обвел взглядом подчиненных. – Чувствую, будет нам вместо отпуска следующее задание. Ну да ладно, после войны отдохнем.

— Андрей, скажи, как ушел? Там же, по меньшей мере, рота шла за нами. – Алкоголь все-таки сказывался. Смирнову хотелось обнять командира, узнать, что у того внутри, излить свою душу.

— Отдыхайте, Лешка, отдыхайте. Ты же знаешь, «заговоренный» я. – Он подмигнул Оношко, который сидел, боясь пошевелиться, и вышел из избы.

— Вот так, парни, – подытожил Смирнов разговор и потянулся за бутылкой. Там оставалось не так уже и много. – И так всегда. Всю грязную работу делает. И «языка» притащит, и отход прикроет и живой останется. Столько раз с ним ходил за линию, хоть бы что ему. Может, и впрямь «заговоренный» он. – Он опрокинул в себя остатки самогонки и нетвердой походкой направился к двери. – Спокойной ночи всем.

— Спокойной, дарагой, – отозвался Джугашвили. – Так все и должно быть. На то он и командир, чтоб живым возвращаться. Отдыхай дарагой, я тоже пойду.

Последним уходил Оношко. Он задул свечу, каким-то умельцем сделанную из оружейного патрона, посмотрел в темное окошко, перекрестился в тот угол, где обычно висят иконы («А еще комсомолец», – мелькнула мысль) и вышел на улицу...

— Садись, садись, не надо этого, – командир батальона кивнул Андрею на добротный табурет, стоявший возле стола. На вид ему было, лет сорок, отличная осанка, загорелое, волевое лицо, хитрый прищур лукавых глаз. От него исходила какая-то природная душевная доброта, которую не могла скрыть его суровая внешность. – Комдив звонил мне лично из кабинета командующего фронтом. Ох и хорошего вы «языка» привели. Немцы в шоке, теперь у них паника, войска перебрасывают обратно на север. – Он подошел к карте, которой был застелен весь стол и взял в руки карандаш. – Вот смотри. – Ветров встал и тоже согнулся над столом...

— Вот такие дела.

Комбат закончил водить карандашом по карте и посмотрел на Андрея.

— От Имени Союза Советских Социалистических Республик и от себя лично хочу поздравить тебя с внеочередным воинским званием. И бойцов твоих тоже, кстати. Список мне предоставишь позже.

Ветров вытянулся.

— Служу Советскому Союзу!

— Вот и чудненько. Сейчас чайку попьем и о делах насущных поговорим. – Он повернул голову к двери. – Эй, Семен, принеси-ка нам чайку, а может, и что покрепче!

За дверью раздался топот сапог, и хлопнула дверь. Комбат удовлетворенно кивнул и снова взял в руки карандаш.

— Соседи наши звонили, просили твою группу «одолжить». По их разведанным, через неделю в Минск приезжает уж очень большая шишка. Если информация верна, то приезжает сам Вильгельм Кубэ, которого Гитлер, лично, назначил генеральным комиссаром Белоруссии.

Он сделал паузу и посмотрел на Андрея, в надежде увидеть хоть какую-то реакцию. Тщетно. С таким же успехом он мог сказать, что приезжает новый военный репортер или ансамбль песни и пляски. Ветров сидел спокойно, смотрел в глаза комбата и молча ждал продолжения.

— М-да, Ветров, ничем тебя не прошибешь. Герой, одним словом. Слушай, Андрей, скажи, как это у тебя получается сухим из воды выходить? Столько рейдов, личный состав уже менял сколько раз, а тебе хоть бы хны. Поделится бы секретом с начальством.

Андрей улыбнулся и посмотрел в окно. На дворе была ночь. Лунная и светлая.

— Заколдованный я, Игорь Михайлович. Не берет меня ни пуля, ни нож, ни бомбы. В рубашке родился, видать.

— Ну да, ну да. – Комбат задумался. – Побольше бы таких, война давно бы закончилась. О тебе уже легенды ходят по всему фронту. Комдив сказал, беречь тебя надо. Да вот только ты и сам убережешься, и группу свою убережешь. Хотя последний рейд чуть ли не с потерями закончился. Ну, да ладно, все живы – и хорошо. Маскхалаты вам специальные заказал. Супер-прочные. А то вечно рвешь их об «колючки», в клочьях весь приходишь. Уже сколько ходишь, пора бы научиться проползать. – Он прищурился, улыбнулся и посмотрел на Андрея.

— Дак издержки профессии, Игорь Михайлович, – Андрей улыбнулся в ответ. – Когда обратно улепетьваешь, да еще с «языком», меньше всего про одежду думаешь («О ней потом думаешь, когда дырки от пуль приходится разрывать, чтобы не было лишних вопросов», – додумал Андрей про себя).

— Да понимаю, понимаю.

— Разрешите?

Дверь открылась, и в нее протиснулся адъютант комбата, неся в двух руках поднос с дымящимся чайником, посудой, печеньем и бутылкой армянского коньяка.

— Спасибо Семен. – Комбат отодвинул карту и стал наливать. Чай по стаканам, коньяк – по рюмкам.

— Игорь Михайлович, вы ж знаете. – Андрей без энтузиазма взял свою рюмку и отлил немного в чай. Остальное поставил на стол.

— Знаю, знаю что непьющий ты, но с командиром выпить – святое дело. – Он улыбнулся и поднял рюмку. – Ну, давай за тебя, черт везучий.

Андрей поднял стакан с чаем, и они чокнулись.

— Хороший коньяк, комдив угостил, напрасно отказываешься. – Комбат запил горячим чаем и снова налил. Посмотрел на Андрея, на его полупустую рюмку и не стал заставлять. – Ну как хочешь, не буду неволить, мне больше останется. Давай к делу. Вашу группу десантируют с самолета в пригороде Минска. Карты, форму все получите. Вам надо будет попасть в город и очистить нашу землю от этой мрази. В этой папке все данные. – Комбат достал из сейфа замусоленную бумажную папку и бросил на стол.

— Охрана?

— Дом постоянно охраняют от 10 до 15 человек. Состав группы подберешь сам. Количество – на твое усмотрение. Хоть сам иди, хоть роту веди. Главное – результат. Легенду, план – все на тебе, не мне тебя учить. Вернешься живой – буду ходатайствовать о «герое» для тебя. Не вернешься... – Комбат замолчал и посмотрел в окно.

— Я вернусь, товарищ комбат. Обязательно вернусь. Разрешите идти выполнять?

Андрей поднялся.

— Забыл сказать. Он живет не один. У него жена и трое детей. Представляешь? Утром едет на работу, убивает людей, подписывает смертоносные документы, а вечером приходит домой и играет со своими детьми. – Комбат выпил коньяк залпом и замолчал, глядя в пустую рюмку.

Андрей бесшумно вышел. Он все понимал. У комбата остались где-то там жена и двое детей. Они пропали без вести при эвакуации за Урал. И вот уже больше года от них не было весточки.

Андрей попрощался с адъютантом Семеном и сел в машину. Всю дорогу до части он размышлял. Была осень 1943 года. Исход войны был неясен. Но немцы завязли, это был факт. Молниеносная победа не получилась. И теперь исход зависел от человеческого фактора. От людей. Он улыбнулся. Видать не только от людей. Голода не было. Он хорошо подкрепился в свой последний рейд. Благо, «пищи» в войну много. И, даже если есть Бог, то вряд ли он его осуждает. Он убивает врагов, тварей, которые пришли, чтобы уничтожить его Родину. И каким бы существом он не был, каким бы зверем ни существовал, они заслуживали смерти в сто, в тысячу раз больше. Он так разволновался, что не заметил, как началась трансформация. Клыки начали удлиняться, кожа стала бледнеть. Он взял себя в руки и украдкой посмотрел на водителя. Но тот был слишком увлечен дорогой, то и дело переключая передачи своего ГАЗ-64. Дорога была не ахти, да и какими должны быть дороги на войне? Только немцы, завоевывая новые города, пытались первым делом привести дороги в порядок. Что было верхом глупости, по мнению Андрея. Первая же бомбардировка или артобстрел приводили все в исходное состояние. Стремление немцев к порядку и правильности – вот первая причина по которой они проиграют войну. Нет, наверное, это вторая. Первая, все-таки – человеческий фактор. Ведь, даже в природе, любая мать будет до смерти защищать своих малышей. Свою семью, свою территорию. А немцы посягнули на святое – на Родину! Дурак этот Гитлер и все его приспешники. Андрей заулыбался. С такими мыслями и в приподнятом настроении он и доехал к себе...

Совет держали днем. Лейтенант (наградные документы еще не дошли) Андрей Ветров, младший лейтенант Алексей Смирнов, ефрейтор Вахтанг Джугашвили и сержант Александр Онопко. Собрались у Ветрова. Шторы на окнах были плотно зашторены (первым делом все, попадавшие в распоряжение Ветрова, узнавали от товарищей о его очень редкой болезни, непереносимости солнечных лучей. Такая специфика кожи. И справку ему выписали, чуть ли не инвалидность из-за этого хотели приписать. Но плевать хотел их командир на всякие справки и инвалидности. Поэтому, товарищи бойцы, давайте без всяких глупых вопросов, и радуйтесь, что попали в группу легендарного разведчика).

— Какие будут предложения? – Ветров обвел всех взглядом. Сегодня он был какой-то бледный, но держался молодцом.

— Охрану не перестреляем, это точно, такое поднимется. В дом незаметно не попасть, собаки учуют. – Смирнов загибал пальцы. – По дороге на работу не подступиться, грузовик охраны с ним едет, не считая личной. В общем –дохлый номер, – попытожил он.

— Оптимист ты, батенька, – улыбнулся Андрей. – Вы что молчите?

— Я точно нэ пайду с вами, – расстроился Джугашвили. – Пэrvый же патрул астановит, какой из меня фрыц?

— Да уж, это точно. – Андрей задумался. – Ну, а вообще, есть какие-то идеи?

— Алэксэй все сказал, добавыть ничэво нэ смагу, извыны, дарагой.

— Ясно. Ты? – Ветров посмотрел на Онопко.

— Вдвоем идти вам надо. Трое – уже много. Немцами в город войдете, потом по обстановке. Днем идти надо. Или утром. – Онопко указал на бумажку, лежавшую в папке, что комбат отдал Андрею. Это была копия распоряжения «об ограничении хождения вечерней порой», подписанная лично генеральным комиссаром Белоруссии Вильгельмом Кубэ 1-го ноября 1941 года. Согласно приказу: «лица, которые без уважительной причины в указанное время будут встречены на улице, будут сейчас же Военным Судом расстреляны».

— А у нас есть причина. Мы идем Кубэ убивать. – Смирнов улыбнулся и посмотрел на Андрея. Тот тоже улыбнулся, но как-то натянуто. Все-таки что-то нездоровилось командиру.

— Ты не заболел? – Он с сочувствием посмотрел на Андрея.

— Нет, все нормально. К утру пройдет. Отлежусь, все будет хорошо.

— Может, в баньке попаримся вечерком? Да по соточке?

Все сразу воодушевились.

— Парьтесь, парьтесь, я не против. И по соточке можно. Но не больше. А мне в штаб округа ехать, план наш вести, которого нет. Значится так. Поступим следующим образом...

Самолет гудел ужасно. Приходилось кричать, чтобы сосед что-то услышал. Линию фронта пересекли благополучно.

— Сколько еще лететь? – Андрей кричал, стоя в дверях пилотного отсека.

— Пять минут примерно. – Пилот крикнул в ответ, не поворачивая головы, и для большей убедительности поднял левую руку с растопыренными пальцами.

Андрей кивнул и вернулся в салон. Молча показал Смирнову пятерню. Тот кивнул и начал проверять парашют. Андрей улыбнулся и подошел к открытому люку. Вдалеке виднелся ночной Минск. Огней было не много, но отсюда город казался огромным.

— Готовы? – Сопровождающий группы вышел из пилотного отсека. Андрей вообще не понимал, зачем он был нужен, но было положено, что все группы, улетающие в тыл врага, сопровождает человек из спецотдела. Хотя до сих пор было неясно, к какому ведомству он принадлежит. То ли контрразведка, то ли черт его знает. Как будто кто-то мог помешать перейти на сторону врага, оставаясь в самолете.

Приземлились удачно. Стропы не запутались, на деревьях не завили. Спрятали парашюты и стали подгонять немецкую форму. В темноте Андрей видел прекрасно, чего не скажешь о Смирнове.

Пришлось помогать. К окраине Минска вышли под утро. Осень все сильнее вступала в свои права. Небо затянулось тучами, начинал моросить мелкий противный дождь. Небольшой ветерок дорисовывал мрачную осеннюю картину.

Около семи утра с юго-востока в Минск вошли двое: бригаденфюрер СС Зольг Фон Вандер и его адъютант штурмбанфюрер СС Отто Шиллер. Они уверенно шли по улице, иногда вскидывая руки встречным патрулям. Остановили их только раз. Какой-то сильно дотошный гауптман, возглавлявший патруль, тщательно изучал документы и потом спросил, что они делают на улице в такую рань. На что получил ответ от бригаденфюрера, типа «не ваше дело, гауптман». Потом офицеры СС, все-таки объяснили, что их машина сломалась где-то в переулке этого чертового города, и спросили дорогу к дому Вильгельма Кубэ. На что получили очень вежливый и исчерпывающий ответ.

К дому добрались около девяти утра. Ровно в девять открылись ворота, и из них выехали три машины, два легковых мерседеса и грузовой Opel Blitz ⁵. Стекла в легковушках были заве-

⁵ Opel Blitz (нем.) – Опель Блитц, немецкий грузовой автомобиль, ранние модели которого активно использовались Вер-

шены шторками, поэтому определить, в какой едет Кубэ было невозможно. Бригаденфюрер с адъютантом переглянулись и начали движение вдоль высокого забора, обнесенного сверху колючей проволокой.

— Ich hoffe, es ist nicht aktiviert⁶, – негромко сказал бригаденфюрер своему спутнику.

— Я тоже на это надеюсь. – Еще тише ответил штурмбанфюрер.

И так, мило беседуя, они прошествовали пару кварталов, и зашли в небольшой ресторанчик. Если бы не заклеенные окна в зданиях и постоянные патрули на улице, то никто бы не сказал, что сейчас война. Люди шли по своим делам, кто-то спешил, кто-то просто прогуливался. Вот только лица у всех были печальные. Вот проехала машина с солдатами. Вот патруль проверяет у кого-то документы. И лишь изредка доносятся то ли раскаты грома, то ли звуки канонады. Андрей уже и забыл, когда он так спокойно сидел в уютном ресторанчике, попивая чай и наслаждаясь спокойной жизнью. За соседним столом расположилась респектабельная пара: мужчина средних лет и дама, по всей видимости, жена. Они сделали заказ и сейчас о чем-то возбужденно шептались. Андрей прислушался.

— Представляешь, снова поймали подпольщиков. Пытались убить этого палача Кубэ. – Теперь чуткий слух Андрея ловил каждое слово. Мужчина продолжал, полагая, что его никто не слышит, кроме жены. – Буквально два дня назад взяли мужчину и женщину. Пытались мину под машину подложить, когда ремонт делали. Теперь точно охрану усилят.

— А я слышала, что он снова указ подписал о расстреле двух тысяч активистов. Когда ж это закончится? – Женщина утерла глаза платком. – Когда же эта проклятая война закончится?

«Скоро, совсем скоро все закончится», – подумал Андрей. Они расплатились и вышли из ресторана.

Было 23 сентября 1943 года. Вечерело. Двое офицеров в форме СС выходили из лесу. За плечами одного был небольшой рюкзак. Второй шел налегке. Они двигались по направлению к городу. Ночь обещала быть темной. «Значит, все верно делаем, если природа нам помогает», – между делом подумал Андрей. Все было обговорено не один раз, роли были расписаны. Точнее одна роль. Его, Андрея. Театр одного актера. И одного зрителя тоже (во всяком случае, он очень надеялся остаться незамеченным, лишний шум бы привел к провалу задания). Весь план, который они придумали, и который утвердило командование, уже не годился. Сегодня днем был оговорен и принят запасной.

Где-то в душе Смирнов понимал, что этот план и был основной, что командир специально не доложил о нем, зная, что его изначально не примут. Только те, кто видел лейтенанта Ветрова в действии, могли бы дать согласие на такой план. А кто видел его – те не жили долго. Кроме него, Алексея Смирнова. Лишь раз, мельком, он увидел, на что способен его командир. Он не понимал, как обычный человек может так двигаться. Но когда в комнате находятся четверо вооруженных немцев, и туда через дверь врывается, нет, даже не врывается, а как-то проникает один человек, вооруженный только ножом, то результат ожидается один. Одна смерть. Но не в случае с их командиром...

Они остались вдвоем. Группа погибла на отходе. «Языка» убило шальной пулей, его пришлось бросить. Уходили улицей. Их зажали в крайнем доме. Дальше был только лес. Спасительное окно было именно там, в той комнате. Но там их уже ждали.

— Я иду первый, ты прикрываешь. Как крикну, забегаешь и прыгаешь в окно. Уяснил? – Лицо командира было каким-то хищным и злым. «И правда, зверь», – подумал тогда Смирнов. И Ветров исчез. Пропал в дверном проеме. Все длилось какие-то секунды. Раздались

махтом во Второй мировой войны.

⁶ Надеюсь, она не подключена (с нем.)

крики, лязг затворов, выстрелы. Все отдавало в ушах безумной какофонией. И тишина. Давящая секундная тишина. И сразу крик:

— Давай, Лешка, уходим!

Он мчался через эту комнату, как сумасшедший. Доли секунды ушли на то, чтобы преодолеть три метра до окна и выпасть в него. Сразу сгруппироваться, кувыркнуться, стать на ноги и побежать. И лишь краем глаза он успел увидеть хоть что-то. Четыре тела в немецкой форме в разных углах комнаты. В невероятных позах. И кровь. Даже не кровь. Ее запах. Он пулей рванул к лесу, на ходу пытаясь обернуться. Андрей выдергивал чеку из третьей гранаты. Потом все три полетели в окно. Смотреть на результат не было времени. Они помчались в лес. Ухнуло от души. Снова крики, стоны, ругань на немецком. Это дало им тогда несколько таких нужных минут. Смирнов не знал, откуда Ветров берет силы. Алексей не был слабаком, он был физически гораздо более развит своего командира, и не мог объяснить, почему он еле дышит и бежит все медленнее и медленнее, а Ветров как будто только что начал свой забег. Через полчаса сбавили темп. Погони было не слышно, да и до линии фронта оставалось рукой подать.

— Слышь, товарищ командир, что это было? – Спросил Смирнов, немного отдышавшись.

— Война это была, младший лейтенант, война. – Ответил Ветров, и с тех пор Смирнов перестал задавать подобные вопросы. Просто уверенности стало больше, что вернется живой. Да еще на «ты» перешли. Первый и последний раз он видел в работе своего командира. После того случая то ли Андрей стал более аккуратным, то ли везти им стало больше, но «языков» больше не убивали, их не зажимали, да и на отходе Ветров один оставался. И то, что для всех оставалось загадкой, для Смирнова было нормальным ходом вещей. Он помнил, ему отец в детстве рассказывал, что были такие японские древние мастера. Вроде, «ниндзи» назывались. Давно рассказывал, вообще. Ну, так вот, они умели двигаться так быстро, что человеческий глаз не мог их заметить. И в этом был весь секрет их командира. Только он никому не признавался, даже ему, своему заму. Не может боец красной Армии быть каким-то самураем или ниндзя. Не по-советски это. Смирнов понял эту тайну и хранил ее, как зеницу ока. Хотел даже как-то попросить научить его, но только заикнулся, поймал такой взгляд Ветрова, что тяга к «науке» улетучилась надолго. Ну, и ладно. Главное, что живой приходит, медали растут как на дрожжах и звания получает регулярно. Да и кормят, как на убой, да и сто грамм фронтовых не забывают. Что еще надо? Сейчас, главное, фрицев этих проклятых победить, да самому не сгинуть.

Когда подошли к месту, совсем стемнело. Остановились за пару кварталов до нужного дома. Ночь была, как по заказу. Ни звездочки, ни проблеска луны. «Видать, Бог на нашей стороне», – подумал Смирнов. Переглянулись с командиром. Тот подмигнул и улыбнулся. Ох и нехорошая улыбка была. Хищная какая-то. Даже зубы, которые клыки, как-будто заострились. Мурашки пробежали по спине Смирнова от той улыбки. «Что не привидится с перепугу». Он улыбнулся в ответ, как смог. Жалкая вышла улыбка, натянутая.

— Все по плану, Алексей, я ушел, – и Андрей исчез в темноте.

Смирнов на всякий случай перекрестился (и откуда эта дурацкая привычка, бабушка, царство небесное, вспомнилась, крестила его постоянно) и осмотрелся. Как-будто в центре оккупированного Минска ночью мог появиться замполит и погрозить пальцем коммунисту Смирнову за непристойный жест. А то и того хуже, отправить куда подальше. Алексей накиннул опустевший рюкзак, и тенью скользнул вдоль забора...

Они спали вместе. Палач и жена. Убийца тысяч людей и его красивая супруга. Отец и мать троих детей. Интересно, из детей убийц тоже вырастают такие же звери? Или они будут

нормальными детьми? Как палачи воспитывают своих детей? Приезжают вечером домой, берут их на руки?

«Папа, папа, а где ты был?»

«На работе, дети».

«А что ты делал?»

«Убивал, пытал, подписывал смертные приговоры. Папа работал...»

Андрей стоял над кроватью и смотрел на них. На родителей, чьи чада мирно посапывали в соседней комнате. Один из малышей закашлялся, и Андрей замер. Женщина что-то прошептала во сне и перевернулась на другой бок. «Фуф, пронесло». Из одежды на Андрее был только небольшой рюкзак. Он смотрел на сладко сопящих, безмятежно спящих людей. На людей, которые очень устали и теперь отдыхали с чувством исполненного долга. Злобы не было. Ненависть настолько давно поселилась в его душе, что стала частью его самого. Была только работа. Его работа. Работа, которую лучше чем он, никто не сделает. Он снял рюкзак и нагнулся над кроватью...

Уходили тихо. Две серые тени скользили по улицам ночного Минска. Две невидимки. К точке забора вышли под утро. Только тогда Андрей позволил остановиться. Смирнов как шел, так и повалился на влажную траву.

— Вставай, вставай, Леха, нельзя лежать. Походить надо, подышать. – Ветров говорил спокойно и размеренно, как будто и не было этого многочасового маршброска, как будто он только что встал из-за стола, за которым обсуждалось очередное задание.

Он помог Смирнову подняться и заставил того ходить взад-вперед. Прошло несколько минут, прежде чем Алексей смог хоть что-то сказать.

— Откуда у тебя столько сил, Андрей? – Они были уже далеко от Минска, и теперь им оставалось только ждать. Самолет должен был прилететь через час.

— Долгие годы тренировок, – улыбнулся Ветров.

«Все-таки ниндзя», – подумал Смирнов.

— Ты не человек, ты сверхчеловек. Я не перестаю тебе удивляться. Расскажи, как прошло.

Они присели на траву, и Смирнов начал доставать из своего рюкзака остатки их нехитрых запасов.

— Да как прошло. Как обычно. Половина охраны спала. Проникнуть удалось незамеченным. Собак не было, повезло. Представляешь, он с женой спал. И трое детей в соседней комнате.

Он замолчал. Взрыв они услышали, когда были уже далеко от дома гауляйтера. Рвануло не очень мощно. Мина была направленного действия (английская, кстати, последняя разработка). «Национальность» мины останется их тайной. Советские офицеры должны пользоваться советскими минами. Это закон. Один из тысячи не писанных дурацких законов. Но они слишком долго знали друг друга, слишком через многое прошли и понимали друг друга с полувзгляда. И если Ветров сказал, что будет использовать магнитную английскую мину, значит, так оно и будет. И многозначительный взгляд Андрея объяснял все лучше всяких слов.

— Понимаешь, в чем заключалась сложность задания. – Андрей откинулся на траву и смотрел в начинающее сереть небо. Они перекусили (в основном, Смирнов, командир едва притронулся к еде), отдохнули, настроение было замечательное. – На этого палача охотилось очень много контор. И военная разведка, и СМЕРШ, и партизаны, и даже союзники пытались отправить группу. Главное условие, которое мне поставили – не раскрываться. Все надо было сделать так, как будто мину подложил кто-то из прислуги. Чтобы немцы знали, что в Белоруссии есть партизанское движение, и не могли спокойно есть и спать на нашей земле.

— Но теперь всю прислугу повесят.

— Нет. Из всей прислуги только один, точнее одна связана с партизанами. Ее предупредили, ее уже нет в городе. Остальные не имели доступа в спальню. Можно, конечно, было его убить и ножом, но это повлекло бы за собой много ненужных вопросов. Да и потом. Дело сделано, задание выполнено. Теперь главное самолет дожидаться. Не хочется топтать пешком в такую даль и без «тормозка». – Андрей улыбнулся улыбкой человека, исполнившего свой долг и довольного собой. Он явно был в прекрасном настроении.

Смирнов решил воспользоваться моментом.

— Слышь, Андрей, а можешь меня научить?

Ветров повернул голову и внимательно посмотрел на товарища.

— Чему научить, Лешка? Ты прекрасный разведчик, у тебя у самого многому можно поучиться.

— Не. Так как ты, я не умею. Научи меня так же бесшумно двигаться, так же молниеносно реагировать, так же быстро убивать.

— Убивать, Лешка, это не наука. Это поселяется в тебе и живет. Это в крови. Может, придет время, и научу. – Ветров закрыл глаза. – Если захочешь, конечно, и не будешь потом меня проклинать.

— Я??? Тебя?? За что? Конечно, не буду. Я с радостью научусь. Эту нечисть, которая пришла к нам, надо под корень всю. До последнего. До истоков. Чтоб не повадно было никому... – Алексей было завелся, но скосил взгляд на командира и замолчал. Тот уже спал. «Сверхлюдям тоже нужен отдых», – подумал он и тоже лег поудобней.

Их разбудил звук приближающегося самолета...

— Ну, садись, герой, садись! – Комбат был радушен, как никогда. – Щас чайку попьем, а может и не только, и в штаб дивизии. Машину за нами скоро пришлют. Комдив нас ждет. Героя тебе дадут. Такое задание выполнил! Утерли мы нос всему фронту!!! Эй, Семен, ну где ты там?! Какого вошкаешься, давай неси уже!

— Служу Советскому Союзу! – Ветров отдал честь.

— Садись, садись, рассказывай. – Комбат жестом указал на стул.

— Дак нечего рассказывать, Игорь Михайлович. Караул спал почти весь, собак не было почему-то. Очень самонадеянные немцы оказались...

Трансформацию он начал на подходе к дому. Квартира Кубэ находилась на втором этаже двухэтажного дома. Еще был цокольный этаж, поэтому обычному человеку влезть в окно было невозможно физически. К тому же, по улице постоянно ходили патрули. Один в одну сторону, другой – в другую. Она все время просматривалась, и хорошо освещалась. Попасть с улицы было нереально. Он шмыгнул в подворотню. Там оказалось еще хуже. Высокий забор окружал весь двор дома. Будку и въезд со шлагбаумом охраняло минимум восемь солдат. Двое с улицы, остальные изнутри. Они постоянно переговаривались, светили прожекторами по сторонам. Пройти незамеченным было нельзя. Он шмыгнул вдоль забора, на ходу снимая одежду. Поднял голову. Высота метра три, не меньше. Сверху спиралью идет «колючка». «Интересно, под током или нет?» – подумал Ветров. Перелезть через такой забор обычному человеку не представлялось возможным. Но не гигантской летучей мышью, которая взвилась вверх с быстротой молнии. Один из охранников оглянулся на звук хлопающих крыльев, но не успел толком ничего рассмотреть.

Мышь приземлилась недалеко от входа в дом, держа в когтях ног небольшой рюкзак. Обратная трансформация заняла несколько секунд. Голый человек с рюкзаком в зубах толкнул дверь и ... напоролся на немца, выходящего из дома. Точнее хотевшего выйти, и, уже протянувшего руку к двери. «Черт, ну и дернуло же тебя по нужде сходить», – успел подумать Андрей, а руки уже сжимали горло немцу, передавливая сонную артерию. Убивать было

нельзя. Андрей опустил потерявшего сознание охранника на пол и тихо оттащил от двери. Нашел стул неподалеку и посадил его. «Пусть думает, что уснул и все приснилось». Прощмыгнул наверх, к комнатам гауляйтера...

— Ну, не скромничай, не надо. – Комбат улыбался, расставляя стаканы и закуски с разноса, который держал адъютант. – Что чисто сработали – молодцы. Без единого трупа, без капли крови. И как у тебя так получается, капитан? – Он прищурился и с интересом посмотрел на Ветрова.

— Я ж говорил Вам, Игорь Михайлович. Заколдованный я. – Ветров улыбнулся в ответ.

— Ну, – комбат многозначительно поднял стакан с трофейным коньяком («Любит, видать, чертяка, сей благородный напиток», – подумал Андрей и поднял свой). – Давай, за нового Героя Советского Союза.

Андрей лишь немного пригубил. Напиток был достойный. Но алкоголь он не переваривал нутром по той простой причине, что тот лился по пищеводу горячей огненной лавой, обжигая все внутренности. Не любил даже запах. Но приходилось терпеть. Комбат неодобрительно покивал головой и налил себе вторую. Сегодня Ветрову прощалось все.

— Знаю, что не любишь, может оно и к лучшему. Ну а я выпью, не обессудь. На, ознакомься пока.

Он подвинул к Смирнову листок бумаги. На нем был отчет комиссии по расследованию убийства гауляйтера Вильгельма Кубэ, произошедшего ночью 23 сентября 1943 года:

«Оружием убийства, скорей всего, стала магнитная мина английского производства. Вероятнее всего, непосредственным исполнителем акта возмездия стала партизанка Елена Мазаник, которая и подложила в постель гауляйтера мину. (Она работала на квартире Кубэ в качестве прислуги). В результате взрыва у жертвы была вырвана левая сторона груди и оторвана левая рука. Его полубогоревший труп вытащила пожарная команда. Спавшая рядом супруга – Анита Кубэ, как ни странно, не пострадала. Трое маленьких детей семьи Кубэ, которые находились в другой комнате, также не пострадали. Как показало расследование, мина была прикреплена на внутренней стороне матраца гауляйтера Кубе, где и взорвалась. Так как жилой дом гауляйтера днем и ночью охранялся личной охраной из 12 человек, то сразу же встал вопрос о прислуге и лицах, имевших доступ в покои гауляйтера. Расследование началось с немедленного установления круга лиц, которые в последние дни перед покушением посещали дом гауляйтера. На месте преступления были арестованы и заключены в тюрьму четыре девушки из числа прислуги гауляйтера. Их первоначальная проверка на первых порах не выявила никакой взаимосвязи с покушением. Однако уже утром 24.09.1943 г. было установлено, что единственная прислуга, проживающая из-за недостатка места вне дома гауляйтера, Елена Мазаник 4.04.1918 года рождения, кличка "Галина", не обнаружена на своей квартире по адресу: Минск, ул. Театральная, дом 48, кв. 10. Ее квартира оказалась почти пустой. Позже СД остановилось на версии, что мину Мазаник получила от Мариш Осиповой. Ведутся активные поиски террористки...»

Внизу стояла подпись главы комиссии, оберштурмфюрера СС Брейера.

Андрей отложил листок. «Интересно, откуда у него этот отчет?» Но спрашивать не стал, не лез он не в свои дела, да и не любил, когда в его лезли. А подумал еще вот что: «Надо же. Ни дети, ни жена не пострадали. Его величество случай интересно распорядился. Так может из детей чудовищ необязательно вырастают чудовища?»

— Ознакомился? – Его мысли прервал комбат. Он уже успел осушить почти полбутылки, и раскуривая папиросу, откинулся на стуле. – Вот у меня тут пару вопросов возникло, давай их сразу обсудим, у комдива будут такие же, думаю.

— Слушаю, товарищ комбат. – Ветров был весь внимание. То, что комбат будет на его стороне, он не сомневался. Что произошло за линией фронта, неизвестно даже Смирнову. Но все равно в комнате повисла какая-то напряженность.

— Скажи-ка, Андрей, почему мина была английская?

— Честно сказать, Игорь Михайлович?

— Тут вроде больше никого нет. – Комбат для большей убежденности оглянулся по сторонам и улыбнулся. – Давай начистоту, Андрей. – И налил себе еще коньяку.

— Три причины, Игорь Михайлович. Во-первых, эти мины более компактные, они меньше места занимают. Во-вторых, они имеют очень хорошее направленное действие. Вы же читали отчет. Даже жена не пострадала.

Комбат кивнул и выпил полстакана залпом, явно уже пренебрегая смакованием букета.

— Ну, а в-третьих, да простят меня наши изобретатели, процент срабатывания мин английского производства на порядок выше наших. Вы уж не обижайтесь, Игорь Михайлович, но в моей практике были случаи, когда наши мины просто не срабатывали.

Комбат задумался. Потом хлопнул ладонью по столу.

— Ну, бляха-муха, ну почему мы, строители светлого будущего, строители коммунизма, который завоеует весь мир, не можем сделать мину лучше, чем проклятые империалисты!!! И что я буду говорить комдиву? Что наши мины хуже?

— Все очень просто, товарищ комбат. Поскольку операция была сверхсекретная, и был приказ обставить все таким образом, как-будто сработали партизаны, то я принял решение воспользоваться английской миной. Немцы же тоже не дураки, и зная нашу психологию, понимают, что не могут советские диверсанты пользоваться не советскими минами. А с партизан «взятки гладки», уж простите за выражение. – Ветров улыбнулся.

Комбат задумался.

— Да, пожалуй ты прав. Значит, этой версии и придерживаемся. А теперь ответь мне лично, подозреваю, что комдив тоже задаст этот вопрос. Как вы смогли, не привлекая внимания, проникнуть в квартиру в центре Минска? Квартиру, которая охраняется круглосуточно, охраняется минимум половиной взвода? При этом не просто попасть в квартиру, а подложить бомбу и выйти, и потом еще исчезнуть никем незамеченными? – Он посмотрел на Андрея. Взгляд его был уже слегка затуманен.

Андрей улыбнулся. По-отцовски. Как улыбаются учителя ученикам. Как мудрый отец улыбается неразумному дитю.

— Игорь Михайлович, у каждого свои секреты. Как наводчик уничтожает вражеский танк с одного выстрела, попадая в боеукладку? Как летчик сбрасывает бомбы с точностью до десяти метров? Как снайпер бьет по трассеру и попадает в лоб врагу, даже не видя его? У вас есть ответы на эти вопросы?

Комбат устало покачал головой. Встал, пошатываясь.

— Скоро придет машина из штаба дивизии. Я пойду покимарю. Скажешь Семену, чтоб разбудил и мундир мой приготовил. Сам отдыхай пока. Не уходи далеко только, чтобы не искали, комдив ждать не любит...

Часть 2

Оберст-лейтенант СС Рольф Ван Зинге въезжал в ворота замка Вевельсбург. Это величественное здание раскинулось к югу Бюрена недалеко от города Падерборн. Светало. Солнце уже озарило край горизонта, несмотря на тщетные попытки ночи, продлится еще хоть немного. Рольф любил это время суток. Когда все еще спит, когда никто и ничто не мешает твоим мыслям. Он ехал в новеньком мерседесе от самого аэродрома уже долго. И никак не мог понять, что могло такое случиться, что его вызвали в столь срочном порядке. Почему из тысяч людей, работающих в Аненербе, именно ему выпала честь посетить центр оккультных знаний третьего рейха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.